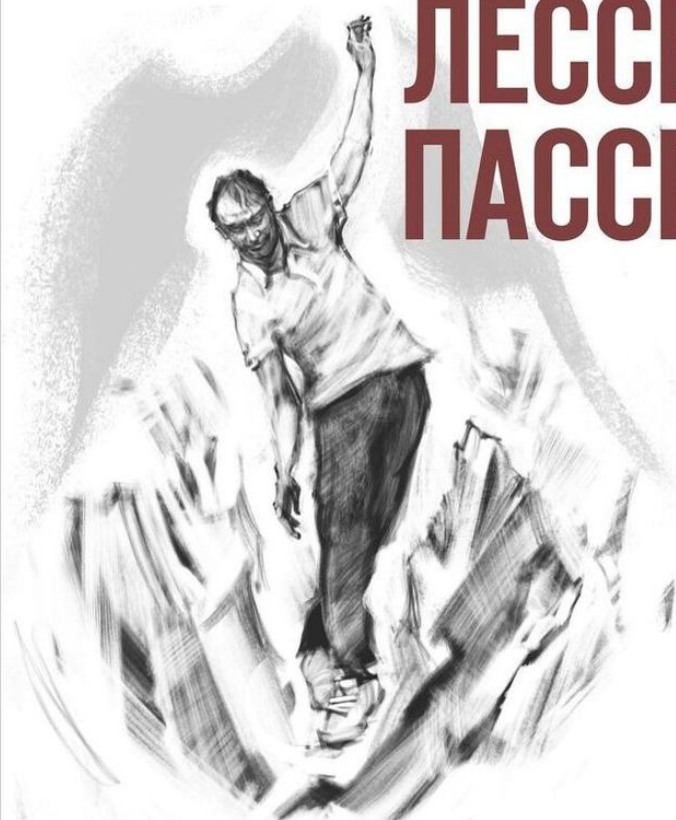

18+

Андрей Свистунов

ЛЕССЕ ПАССЕ

ИЛИ ЗАПИСКИ ИММИГРАНТА

Андрей Свистунов

Лессе Пассе. Или

Записки иммигранта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71515222

ISBN 9785006518186

Аннотация

Эмиграция, что это? Выбор или предназначение? Удачный побег или трудное восхождение? Или же это просто часть жизни, прожитая в иной локации? Эти и многие другие вопросы встают перед главным героем, однажды решившим стать счастливым обладателем израильского заграничного паспорта – лессе-пассе. Пугающие знаки грядущей трагедии не оставляют герою и его семье выбора. Цель или путь? Какой будет его ответ на этот вопрос... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Лессе Пассе	5
Глава 1. [literagum censura]	6
Глава 2. Перекур	11
Глава 3. Знаки	18
Глава 4. Попытка номер раз	26
Глава 5. Четвертое поколение	35
Глава 6. Немецкий язык	38
Глава 7. xxxxxxxxxxxx	42
Глава 8. Бельниково	48
Глава 9. Ваанта2	55
Глава 10. Эрмитаж	63
Глава 11. Рига	70
Глава 12. Иван	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Лессе Пассе

Или Записки иммигранта

Андрей Свистунов

© Андрей Свистунов, 2024

ISBN 978-5-0065-1818-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лессе Пассе или Записки иммигранта

Из Архива:

Текстовые файлы представлены здесь в том порядке, в каком они оказались после операции по их восстановлению, производившейся после форматирования жесткого диска. Для удобства – все файлы пронумерованы, как главы.

Глава 1. [literarum censura]

Text_1 (.docx)

Это не самое начало, начало было раньше. О нем и так

все знают. Скорее это просто некая произвольная отправная точка на горизонте событий. Так уж случилось, что ровно после *этого* все и завертелось, посыпалось, покатилося, набирая ход, вниз, под уклон, огромным, разухабистым, никем не управляемым комом. И вот – да! Почти угадали... Это была *Она*.

До этого все происходившее было, как бы это лучше выразиться, каким-то скорее рамочным, можно даже сказать – бытовым. То есть свой – чужой, плохой – еще хуже, прекраснородушное лучезарное Будущее – vs овечьяное «непреходящим» Прошлое... От «Вот уеду!..» и до «Отцепитесь, бога ради, вы на х... от этих наших скреп!»

Все уже успели так сильно поднатореть в искусстве тихой и лютой ненависти друг к другу, что самозабвенно продолжали этому предаваться и в свободное от работы время, а иногда даже и во время обеденного перерыва. С ненавистью как-то сжились, приняли ее данность, сам факт ее существования уже никем не подвергался сомнению. А кое-кто в прозорливой надежде спастись – «чума на оба ваших дома...» – уже потянулся в наспех сколоченных перелетных косяках в соблазнительно мерцавшую где-то вдалеке веселыми огоньками внутреннюю иммиграцию.

Но тут, как бы это помягче... совершенно неожиданно... против всяких правил и «кто бы мог подумать» что-то взяло и – бздынькнуло!.. Да нет, ну чего уж там... Разумеется, ожидаемо, и совсем даже и не «бздынькнуло» – а прямо-та-

ки бабахнуло...

ПА-ПА-ПА-ПАМ!

XXXXXX XX XXXXXXXX XXXXXXXXXXXX XXXXXXXX XX
XXXXXXXXXXXXXXXXXX...

– Вопрос...

– Да?..

– А нельзя ли немного притормозить?

– Нет-нет, невозможно! Никак нет! Не получится! Ну вы же не дети, вы же должны понимать!.. Теперь-то уже что... Теперь привыкайте... В конце концов, мы и так уже давно и по горлышко... Так что... давайте, пожалуйста, без этих вот ваших соплей!

– А если?

– Нет, ну я вас умоляю, совершенно, совершенно никак. Вот вы же, наверное, читали у кого-то там... Что мы в ответе и все такое прочее...

– Я в ответе только за того, кого приручил...

– Ну, вот вы меня и приручили...

– Но я-то был против...

– Да кто ж вам теперь поверит-то?

– Все.

– Всем, голубчик вы мой, на вас конкретно, как на индивидуума, насрать. Все уже обустройстваются в том месте, куда попали.

– ...

– Раньше надо было? Послушайте, ну вы же интеллигентный человек. Как вы себе это представляете? XXXX XXXX XXXXX, XXX, XXXX, XXXXXXX XXXXXXXX XX XXXXXXXXXXXXX? Смиритесь лучше – это тупик!.. Как же тебе это еще-то растолковать-то, говноед ты эдакий...

– А что, мы уже на ты?

– ...ты, наверное, решил, что здесь вечно будут играть по твоим правилам? Ждать до посинения это твое «прекрасное далеко»? Да? Да они ни хрена, по правде сказать, в этом твоём далеком не смыслили и не смыслят, они хотят, чтобы прямо сейчас... А если для это нужно... то, ну что же поделаешь!.. они и тебя, чтоб ты знал, вертеть хотели...

– Они?

– Ты слышал...

Диалога, впрочем, как и всегда, не случается. Но одно ты уже знаешь наверняка – [literarum censura].

Глава 2. Перекур

Text_001 – копия(.docx)

Перекур на крылечке, крылечке Одного БЦ. Назовем его,

пожалуй, пока что так. Скорее всего этого будет вполне достаточно.

Не могу почему-то припомнить никаких других подробностей, кроме этого, «лупоглазого» места для всеобщего и непереносимого перекура. Лупоглазого из-за выпяченного как из больной глазницы стеклянного фронта наглухо запертых входных дверей, из которых всегда необходимо было угадать единственную и произнести волшебное «сим-сим» или же просто посильнее дернуть за ручку, преодолевая неизменный напористый сквозняк, вырывавший стеклянную створку у вас из рук. Из контекста – помимо этого, больше никаких подробностей. Разве что пара каких-то мало что значащих фраз. А в остальном – хоть убейте!

Хотя... Ну, вот, если коротко, то: все было ужасно! Все вокруг... Такое может быть... Ну и Леночка, конечно тоже была ужасна... То есть нет, наверное, это будет слишком громко... Она просто... была какой-то маленькой и неказистой... почти квадратной, во всем крепко уверенной, с живыми маленькими глазками суесящегося под ногами хорька, да еще и... – звучит контрольный крик над виском – с кучей друзей в Нижнем Тагиле... При чем здесь Тагил? Да нет в общем-то, ни при чем... Так, к слову пришлось... Прилепившееся – «рулит»... И уже никуда от этого склеившегося дерьма не денешься... Да... Так вот, друзья были... кажется, они были... – А кто они?

Зачем я спросил?

– Они? А что ты имеешь в виду?

– Ну, кто они, чем они там занимаются...

Ах! совсем скверно... Потому что интересно не было, а уточнять зачем-то не перестал.

– Профессия, профессия...

Лучше бы не надо, сейчас чего-нибудь наверняка окажется...

– Чего-то там они во XX-XX-XX...

Оказалось.

В голове мелькают тусклые огоньки аббревиатур. Ага, это же... Это же, кажется, называется – XXXXXXXXX... Проговорил или пробормотал, но она услышала...

– Ну да! И что с того?

Да конечно ничего... Плевать!

– А там больше и заняться-то нечем.

В следующий раз – сто раз подумать, плиз...

– А что?.. Классные ребята! Вот помню, один раз...

Перебор... и я уже не слушаю, а просто оставляю свою физиономию ответственной за все мышечно-рефлекторное и тихонько выдыхаю про себя:

– Блииин...

Прямо перед Одним БЦ проходят железнодорожные пути, по которым иногда то в одну, то в другую сторону с неспешными перестуками и звонким клацаньем проползают грузовые составы. Но сейчас все заволокло и напрочь укрыло повылазившими невесть откуда белыми клубами пара и како-

го-то густого сизого дыма, которые вдруг по-хозяйски истомно прорезает протяжный, долго не стихающий гудок. И тут же, вслед за ним, разгребая бело-сизые облака в стороны, появляется черное, одноглазое, шипящее существо, которое через пару мгновений оказывается сморщенным черной сталью одышливым паровозом.

Нарочито медленно, в каком-то паническом испуге – как бы не развеять и не переломать заботливо выстроенный в кадре задний план, паровоз проплывает мимо, надсадно шипя и извергая из крошечной тьмы низкие платформы вагонов, XXXXXX XXXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXXXXX. XX XXX XXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXX XXXXXXX XXX. Их много. Но целиком весь состав не виден, только небольшой фрагмент, как раз напротив, в котором можно заметить одну-две грузовые платформы, не больше. От их веса подрагивает земля и слегка позвякивают стекла Одного БЦ за моей спиной.

Я пытаюсь припомнить расположение сторон света, чтобы понять, куда же направляются эти внешне вполне дружелюбные существа, и почему-то не могу этого сделать.

И в этот момент, точнее, когда я уже понимаю, что позиционировать себя в этом мире я отчего-то сейчас совершенно не способен, откуда-то сбоку и снизу до меня доносится: – Нет, ну а вот я бы ему, наверное, дала... я бы с ним типа того... дала бы ему, короче, точно...

– ...?

Я не сразу понимаю, о чем это она. Медленно ползущая мимо Одного БЦ шипящая тварь приковывает к себе все мое внимание, но, как выясняется, только мое. Вокруг меня высыпавшее на крылечко со своими вейпами и сигаретами офисное зверьё, непринужденно похохатывая, сбивается в стайки и гадит окурками себе под ноги, не обращая ровным счетом никакого внимания на происходящее вокруг.

И тут я начинаю припоминать начало разговора.

Речь, кажется, шла о вполне конкретном человеке, XXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX, XX XXX XXXXXXX, XXXXXXXXXXXX, XXXXXXXXXXXX XX XXXXXXXXXXXX X XXX XXXXX, XXXXXX XX XXX XXX XXXX XXXXXXXXXXX X X XXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX XXXXXXX XXXXX XXXXXXX, XXX XXX XXXXXXX, XXXX XXXXXXX, XXXXXXX X XXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXX XXXXXXX X XXXXXXX, и вот это угловатое «нечто» у меня под боком, готовое ему «дать»... Господи! Да что ж это за слог-то такой... Что-то из старой «бундесовой» порнушки со смявшейся внутри кассеты (кто теперь такое помнит?) липнувшей к пальцам VHS-пленки.

Разговор, начавшийся с XXXXX, вдруг и наверняка не безосновательно свелся к нему, ко вполне конкретному человеку, XXXX, XXX XXXXXXXXXXXX X XXXXXXXXXXXX XXX XXXXXXX XXXXXXXXXXXX

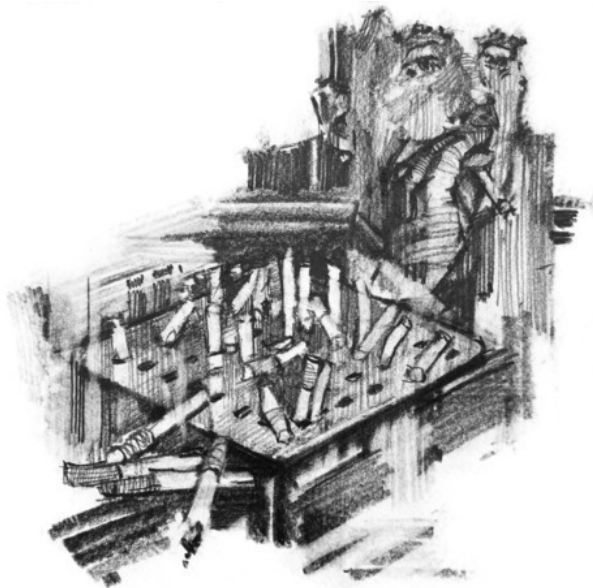
XXXXXXXX, X XXX XXXXX XXXXXX, XXXXXXXXXXXX
XXX, XXX XXXXXXX XXXXXXXX XXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXX XXXXXXXX, XXXXX-XX XXXXX, X
XXXXXX-XX XXXXXXXX XX XXX XXXXX XXXXXXXXXXXX
XXXX.

Кубик в виде Леночки, упрямо торчавшей рядом со мной, припоминаю, что вроде бы она была конструктором или... впрочем, я могу и ошибаться, выпускал сладковатые табачные струйки грязно-серого дыма себе под ноги и оглушительно хохотал.

– Не... Ну очень даже... Меня от него очень даже штырит...

Облако развеялось, чудище процокало своими стальными копытцами мимо и укатило... Стайки с вейпами вспорхнули и стремительно попрятались по своим крохотным офисным гнездам.

Во рту осталось какое-то невнятное послевкусие.

Глава 3. Знаки

Text_2(.docx)

Она началась не вдруг и не сразу. Как и полагается – в на-

чале были знаки...

Она началась и понемногу, исподволь, стала превращать фарс, к которому все уже привыкли, сначала в какую-то провинциального пошиба скучную драму, ну а затем неизбежно уже, и предсказуемо, – в трагедию. Х Х ХХХХХХХ ХХХХХ ХХХХХ, ХХХ ХХ ХХХХХХХХХХ ХХХХХХХХХ ХХХХХХХХХ, ХХХХХХХ ХХХХХХ, ХХХХХХХ, ХХХХХХ ХХХХХ Х ХХХХХХХХХХХХХХХХХХ. Безысходность эта запечатлевалась на лицах и выгорала в поджатых уголках рта, становясь какой-то зловещей театральной маской. Впрочем, ненадолго и не для всех. Кто-то вообще мог этого и не заметить. В конце концов жизнь с ее каждодневными заботами – номерок к врачу, двойка у сына, некстати зудящий заусенец на мизинце – брала свое. Ей было не до этого, не до этих разброшенных то тут, то там Знаков, которые и Знаками-то были только для посвященных. А много ли этих посвященных тогда было?

Но несмотря на жизнь, продолжавшую свое нескромное дефиле, и помимо все время ускользавших от неосторожно расфокусировавшегося взгляда Знаков, было еще Ожидание. Непонятно чего и когда, но все чего-то ждали, предвидели, к чему-то готовились... Хотя, как можно было подготовиться к чему-то непонятому, тревожному, но никак пока не проявившему себя, было абсолютно не ясно. Ожидание это вселяло тревогу и заставляло заусенец на мизинце свер-

беть еще сильнее.

Похоже, что для зрителей этого шоу, прямо на их глазах – всем быть готовым показать свою «улыбу» в Тик-Токе, приготавливалось, по давно сложившейся во всех кухнях мира исторической рецептуре, какое-то отвратительное, вонючее блюдо, которое затем насильно будут впихивать на камеру тебе в рот.

Унылое ожидание разлилось вокруг, или, как с удовольствием крикнул бы какой-нибудь славянофил, окрест, и оно уже начинало исподволь подтачивать и разрушать годами складывавшиеся шаблоны. Шаблоны, по которым в прежние времена, как сейчас уже становилось очевидно и самому невнимательному, постороннему малосведущему взгляду, струилось бездумно и безоглядно такое множество человеческих судеб, что просто брала оторопь, теперь приказывали долго жить, а перевернутые вверх тормашками смыслы начинали играть новыми красками. ... XXXXX – XXXX XXX XXXXXXXXXXXXXXX XXXX XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX XX XXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXX. X XXXXXXXXXXX XXXX XXXXXX XXXXXXXXXXXXXXX XXX XXXXXXXXXXX XX XXXXX XXXXXXXX X XXXXXXXXXXX XXXXXXXX X XXX.

Погруженность в Twitter, Facebook¹ и Телегу, куда же можно было броситься, как ни сюда, уже, кажется, достиг-

¹ Здесь и далее – социальная сеть принадлежит Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

ло своего апогея. Где все всё понимали, но никто ничего не мог уже больше поделать. Не следить за происходящим не было никакой возможности, XX X XXXXXXXXXXXX X XXXXXXXXXXX XXXXXX, XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX XXXX XXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXX XXXXXX, XXXXXXX XXXX XX XXXX XXX.

Потом... Это было уже далеко после, но почему-то вспомнилось именно теперь, а, если, так, то пусть хоть и не по праву – останется здесь. Потом пришла волна каких-то нелепых, и не к месту, хоть и совершенно искренних извинений с одной стороны. Но схлынув эта волна обнажала горький оскал, не терпящих возражений, обид и непонимания с другой, затем всё это повторялось снова и снова, как после шторма, выбрасывая на берег грязь, водоросли и раздувшиеся тела потерпевших крушение. И так продолжалось вновь и вновь, по восходящей, пока не начинало обесцениваться и запоздалые извинения, и неминуемо зарубцевавшаяся горечь непростения.

Кто-то выходил с нарисованным наспех плакатом XXXX XXXXXXXX X XXXXXXXXXXXX XX XXXXXX XXXXXX XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXX XXXXXXX. Их тотчас уводили куда-то, и они пропадали X XXXXXXXXXXX XXXXXX XXXXXXXXXXX XXXXXX XXXXXXXXXXXX, как куски сахара в бездонном стакане вечно не выпавшегося проводника.

Одна очень интеллигентно и робко выглядевшая пожи-

лая художница выносила на улицу свои картины, на которых голуби и оливковые ветви и так уже... XXXXXXXXXXXX
XX XXXX XXXX, X XXX XXX X XXXXX.... XXXXX,
XXXXXXXX XXXXXXXX X XXXXXXXXXXXXX XXXXXX
XXXXXXXX XXX XXXXX XXXX X XXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXX XXXXX. XXXXXXXX XXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXX XXXXXXX, XXXXXXXX XXXXXX.

То, что пытались сделать эти люди, было невероятно трогательно. Но... и не более того. Это был абсолютный максимум и этого города, и этой части хранимой по чьему-то явному недосмотру вселенной. Всем хотелось, чтобы все это уже поскорее закончилось, чтобы что-то случилось, что-то хорошее, что-то, что могло бы остановить этот вал Знаков. Случалось... Но случалась почему-то только одна какая-то хрень...

Шло время, и привычка жить ожидаемо брала верх – приходилось начинать улыбаться, продолжать любить и пытаться как-то заработать на оба эти развлечения. Невозможно было постоянно носить на своем челе скорбь всего угнетенного тысячелетиями еврейского народа и, многозначительно насупив брови, встречаться пылающим взглядом с таким же скорбящим. Переживания, сочувствие и внутренняя неспособность мириться с несправедливостью остались, но переместились куда-то вглубь, под очень гибкие сегменты позвоночника, подальше от продолжавшей набирать обороты повседневности. И уже нельзя было определить точно, загля-

дывая собеседнику в глаза или даже разговаривая с ним, с кем он или против кого... такой же он воин духа, как ты, или...

Классика жанра:

– Не все так однозначно...

– Наша правда врагу глаза колет...

И тут уже вступает внутренний диалог про Мы и Они.

XXXX

– XXXX XXXXXXXXXXXX, —

XX:

– XX XXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX.

X XX, XXXXXXXXXXXX:

– XXXXXXXXXXXX XXXXXXXX...

X XXX XXX:

– XXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX...

Ну, и как же без этого, без духоподъемного, где:

– С нами Бог!..

– А вот с ними – вообще черт знает что...

Хотя тут тоже невозможно было похвастаться каким-либо особым разнообразием. Было креативно, но вот как-то без огонька... В прямой речи стали попадаться устаревшие, отдающие нафталином обороты уже такого дремучего советского прошлого, что для некоторых наверняка явилась бы настоящим откровением история происхождения этих тяжеловесных, грубовато слепленных из обрубков старых понятий фраз.

– XXXXXXXX XXXXXXXX...
– XXXXXXXX XXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX...
– XXXX XX XXXXX XXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXX...
– XXXXXXXXXXXX XXXXXXX XXXXX XXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXX.

Слышать все это было, с одной стороны, довольно-таки дико, а с другой – как-то по-домашнему привычно. Слова обволакивали липким смыслом предательскую неуверенность в завтрашнем дне и склеивали в приступе какого-то безумного монтажа совершенно не соответствовавшие друг другу сцены. Логика переставала быть настолько уж необходимой. На смену ей приходила Вера. А с Верой дискутировать было уже просто бессмысленно.

Вскоре я поймал себя на все больше и больше укоренявшемся где-то глубоко внутри меня чувстве страха. От него уже было так просто не избавиться, не изжить и не преодолеть. Это был страх будущего, безотчетный и стойкий как запах дорогого одеколona.

Мы посмотрели с Юлькой друг другу в глаза и вместе нажали на enter, посылая анкету репатрианта в ее далекое плавание по просторам gov.il.

Глава 4. Попытка номер раз

Text_0002(.docx)

А вот это уже действительно давно... Вы можете видеть

это по количеству ноликов в нумерации файла – чем больше ноликов, тем дальше отстоят события, тем глубже они уходят в безмятежное «задолго».

Я отчаянно пытался обрести смысл после того, как наконец-то, исчерпав лимит бесплодных попыток, нашел работу. Работа была шикарная, потому что за нее платили много больше, чем то на, что я рассчитывал (я просто назвал свою цену, и, к моему удивлению, Петр, хозяин небольшой архитектурной мастерской, сразу согласился), а кроме того, я должен был делать то, что я очень хорошо умел делать – создавать интерьеры для богатых заказчиков.

Теперь у меня была работа. Вот только оставался вопрос со смыслами.

Дело в том, что создание интерьеров не являлось для меня тем занятием, которое позволяло испытать катарсис от правильно размещенного входа в шубохранилище. Это если коротко. Ну а если немного поподробнее, то... Я занимался тем, что лично мне уже давно успело набить оскомину – общением с заказчиками, их женами (вариант лайт), распутыванием бесконечных хитросплетений взаимоотношений со строителями, подрядчиками, субподрядчиками, проектировщиками и субпроектировщиками, то есть я был в теме, когда дитя рождалось не только без глаза, но и без некоторых других жизненно важных органов. Ответственность, разделенная между таким количеством людей, размывалась, что никак не могло спасти радость творчества, но зато ино-

гда спасало персонально, и это был уже шкурный интерес! На свет же – как плод группового изнасилования – неизменно появлялся профессионально скроенный уродец.

Здесь не было души, здесь ничто не могло воспламенить, и если честно, то я вообще удивлялся: неужели же это вижу только я, неужели никто больше не замечает эту зияющую эмоциональную пустоту, которая раз за разом становилась итогом наших общих многомесячных усилий.

Образовывавшаяся между двумя перегородками из гипсокартона пустота была невыносима. Пустота требовала смысла. И я не находил себе места, я искал хоть что-нибудь, что могло бы меня приблизить к обретению этого смысла.

Попытка номер раз.

– Жень, привет, ну ты как?

– Привет, Андрюха! Как сам?

– Ты вообще где? Может пересечемся? У тебя есть время?

– ...

– Нет, если неудобно...

– Я в мастерской. Андрюх, работаю я...

– Ааа...

– Но ты... Ты заходи вечером. Чего-нибудь купить?.. Или сам... Ага... Ну давай часиков в шесть.

Женька был художником с мастерской на Васильевском острове и с женой красавицей где-то в спальнике, к которой он неизменно из этой мастерской, сквозь бушующие городские волны, сквозь Сциллу 6-7-й линии и Харибду станции

метро «Василеостровская» возвращался поздно или очень поздно вечером.

Мы не виделись целую вечность, и вот сейчас мне просто хотелось посмотреть на его мастерскую, поболтать с ним об общих знакомых и понять для себя – чем живут люди, которым не нужно обустривать шубохранилищами и холодильниками для вина чужие сингулярности.

Вечером, купив бутылку красного вина, я постучался в старую, густо измазанную коричневой масляной краской дверь на третьем этаже неопределенного возраста дворового флигеля. Дверь открыл хозяин в бороде, очках и широкой растянувшейся от уха и до уха белозубый улыбке. Женька был художником прямолинейным, с невероятно лихими, цветастыми и нестерпимо жизнерадостными картинами, с перманентным отсутствием заказов. Концы с концами он все же как-то сводил, что позволяло ему содержать мастерскую и несколько стеллажей с дорогущими красками: акриловыми, акварельными, масляными, – и с несметным количеством кистей, мастихинов, цветных мелков и прочего, от чего разбегались глаза и радостно екало в груди у забежавших к нему на рюмку чая друзей-художников.

Небольшая, в две комнаты мастерская была уставлена десятком потрепанных светильников. Некоторые из них были включены и удивленно развернуты на заваленный бумагами и мятыми картинами стол и на притаившийся где-то в глубине мастерской как раненый ярким краплагом хищный зверь

кособокий мольберт. И только два, более или менее опрятной наружности, разительно выбивались из общего затрапезного вида своих сотоварищей и надменно целились раструбами своих маленьких птичьих головок прямо в ящик изпод аргентинских яблок со столешницей из старого метрового планшета.

На этом импровизированном журнальном столике лежал на ослепительно белом листе бумаги бородинский хлеб и бледная нарезка докторской. Все это гастрономическое буйство заинтересованно обступили выдавшие виды кружки с неотмываемым чайным муаром у ободка.

– Андрюх, ну ты чего так долго! Мне ведь скоро бежать надо будет... (Видимо уже где-то далеко беспокойно заерзала красавица жена.) Давай – садись уже!

По стенам в той комнатухе, где мы расположились, висели пустые белые холсты и несколько молодцеватых черно-белых эскизов – Женька вторую неделю творил.

– Ты понимаешь, уже которую выставку подряд пропускаю. Черт его знает, что делать. Вот ведь отнимут мастерскую, и что тогда?

Что тогда – было представить себе сложно.

– Все так серьезно?

– Ну конечно да! Это отчетные выставки. В них хоть раз в год, а надо участвовать!

– И?..

– А со мной вечно что-нибудь приключается. То одно, то

другое, то вот...

– Придет кто-нибудь?

– Нет, ты, конечно, не бери в голову... но да! Вот вчера Митька заглядывал. И, как всегда, хотел на работу меня устроить. Но ты понимаешь...

Митька был человеком очень хорошим, можно даже сказать неплохим, и он от всей души пытался организовать Женькино будущее, правда без особого пока успеха.

– Ну вот куда я все это брошу?

Женька очертил вокруг себя вопросительную дугу.

– Кстати, про это... Жень, а отчего бы тебе не замахнуться на свою собственную персоналочку? Тут и повода искать не надо! Персональная выставка художника Евгения... Ведь это же будет ого-го как круто! Движуха пойдет. Налетят девочки-кураторы, кошельки с собой приведут...

– Ты понимаешь, Андрюха, на это ведь деньги нужны какие-то... А на что я жить буду?

– А ты свои картины чуть-чуть попродавай...

– А чтобы попродавать – нужна выставка.

– Сделай...

– А для этого нужны деньги.

– Так...

Пауза.

– Тогда устройся на работу к Митьке, – решил я выбраться из этого порочного круга.

– А куда же я своих заказчиков дену?

– Заказчиков?

– Ну да, я ведь расписываю стенки им в интерьерах, живописные панно там, ну и прочее...

Боже... Боже! Вот уж я не ожидал. Что все вернется к моим интерьерно-дизайнерским будням...

– Ну так и возьми копеечку из этой шкатулочки!

– Не могу, риск! На что я тогда жить-то буду...

Ну да... Вот она – железная логика!

Зазвонил телефон.

– Чувствует... – крикнул Женька, перебросившись парой фраз с женой и покосившись затем на полупустую бутылку

В голове у меня начинают роиться идеи, одна другой экзотичнее. Но Женька отбивается от них как заправский теннисист, ни разу позволив мячику упасть на своей половине.

– Слушай, а давай замутим, – начинаю соблазнять я, – какой-нибудь эдакий... – парный! – мастер-класс. Два художника, человек десять участников, пара занятий в неделю... Это для начала. А чтобы скучно не было, будем перед ними какие-нибудь забавные мизансценки разыгрывать. Да вот... Например, я случайно толкаю баночку с краской, она опрокидывается, само собой – на листе безобразное пятно. А тут подбегаешь ты и начинаешь лихо пальцем развозюкивать эту кляксу в чей-нибудь портрет. Ну ведь круто?! Ну или...

– Круто... – угрюмо отвечает Женька, убирая со стола пустую бутылку. – Только ведь здесь для начала нужны деньги, – говорит он уже возле двери, наматывая на шею длинный

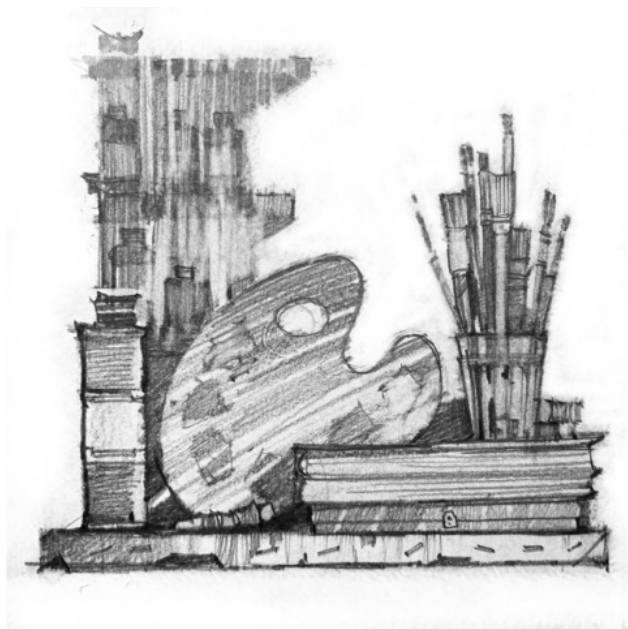
мышинного цвета шарф. — А на что я тогда жить-то буду?..

И вот здесь наступает момент, когда я понимаю, что хочу иметь мастерскую, мастерскую с уходящими к горизонту бесконечными полками, уставленными всевозможными баночками с красками, растворителями, лаками и коробочками с мягкими поролоновыми прокладками, до верха забитыми мелкими французской пастели. Хотя... черт бы с ней, с этой мастерской. Я просто хочу быть один на один с белым листом торшона, с чистым холстом, один на один со своими мыслями, с выставками, на которые что-то обязательно принесу и на которые никогда не придет с десятков скучающих мужчин, печально глядящих то на тебя, то на график выполненных работ.

Придя домой, я взял небольшой листок бумаги и неуверенно провел карандашом несколько пересекавшихся под прямыми углами линий — рамку для будущего эскиза. Кажется, я уже все придумал.

И мне стало ясно:

— Я очень хочу снова стать художником.

Глава 5. Четвертое поколение

Text_3(.docx)

Понять можно было все, кроме «четвертого поколения».

То есть вот третье поколение – это да, это подходит, с этим можно еще что-то делать. А вот четвертое...

– Сын, учи немецкий! Тебе нужен B2.

Я – вообще – нулевое. И только потому, что у Юльки было искомое третье, я – выходил третьим. А сын... А сын – четвертое, и он уже взрослый (ну как взрослый – всего-то восемнадцать), и поэтому он не едет. Может, конечно, но что толку от этих трех месяцев... Ну и как теперь быть?..

– Сын, учи немецкий! Тебе нужен B2.

Много новых слов – алия, репатриация, Сохнут, теудат оле, даркон... Найти документы, заполнить анкету, все это отправить и ждать. А сколько... Юль, а сколько нам придется еще ждать? Кто ж его знает – будем ждать... Какой еще выход?

Дальше – группы в FB и где-то еще... У кого какой опыт, кто сколько ждал и какие потом были вопросы на собеседовании. Но чем больше происходило погружение в контент, тем очевиднее становилось, что ждать, наверное, придется год, а то и дольше, да и шансы пройти собеседование в консульстве с нашими документами были прямо скажем не такими уж и железобетонными.

Год – это много. Год – это очень и очень много... Потому что никто не знает, что *здесь* вообще будет через год. Жизнь неслась на огромной скорости в пугающую каким-то надрывным зубовным скрежетом неизвестность, и предположить, что будет еще хуже, было довольно легко.

Мы с Юлькой ходили каждый на свою работу, сын заканчивал школу, я по вечерам с остервенением заливал английской голубой большие холсты, XXXXXX XXXX XXXXXX, где-то гибли люди, куда-то уходило будущее, и наша анкета из последних сил карабкалась по бюрократической лестнице израильского консульства в надежде опередить судьбу.

– Сын, учи немецкий! Тебе нужен В2...

Глава 6. Немецкий язык

Text_002(.docx)

Почему именно немецкий?

Все очень просто. Если учишь немецкий, то можешь поехать туда учиться... А что, здесь нельзя? Можно, но лучше там. А чем же там-то лучше? Лучше...

XXXXXX XXX XX XXXX. XXXXXX еще не было, но ответ я уже знал, и Юлька знала. Наверное, только для сына все было не так очевидно. Потому что кроме математики нужно было учить еще и немецкий.

И это в то время, как вокруг бурлила почти европейская жизнь почти европейского города. Но что значит это «почти», когда ты еще не умеешь как следует целовать девушек и впереди ведь не может случиться ничего плохого, ведь нет?.. Потому что это лучший город, и все лучшее, что может произойти, еще впереди, и оно обязательно когда-нибудь произойдет...

Обязательно...

Ну а пока еще ничего не случилось. XX XXX XXXXXX... XXX XXXXXXXX, XXX XXXXXXXXXXXX XXX, XXXX XXXXXXXX XXXXXXXXXXXX, XXX XXXXXX XXXX XXXXXXX XXXXXXXXXXXXXXXX. XXXXXX XXX XX XXXXXXXXXXXX. XXX XXXX XXXXXXX XXX XXXXXXXX XXXXXXX XXXXXXX.

А пока... XXXX-XX XXX-XX XXXXXXXXXXXXXXX, XXXX-XX XXXXXXXXXXXX «XXXXXXX», XXXX-XX – XXXXXXX, XXX-XX XXXXXXX XXXXXXX, XXX-XX XXXXXXX – XXXX, X XXXX-XX XX XXXXXXXXXXXXXXX, XXX-XX XXXXXXXXXXXXXXX, кому-то перекрыли краник, кого-то загнали в угол... При известной доле скептицизма можно было

сказать, что запретили почти (и вот опять это смешное слово «почти»!) все, до чего смогли дотянуться, хотя это было и не так, ну просто хотя бы в силу статистического расприздания. XX XX XXXXXX XXXXX, XXXXXXXXXXX XXXXX XXXXX XXX XXXX XXX XXXX XXXXX, XXXXXXXXXXX XXX, XXX XXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXX XXXX XXX X XXXXXXXXXXXXXXX XXXXXXX XX XXX, XXXXX XXXXXXX.

Ну и теперь – а «почему туда?»

Тогда это было так очевидно...

Не всем, конечно. Кто-то совершенно искренне не понимал, а к чему, собственно говоря, весь этот кипеж. Но воздух уже был отравлен, а дальше уже воображение, у кого на что хватало, дорисовывало детали вселенского апокалипсиса, сгущавшегося черными грозowymi тучами прямо над горизонтом.

Черт его знает, когда все это гроыхнет.

Поэтому – немецкий. Немецкий и... что там еще? Ну да, ну да, математика...

Репетитор для сына по математике был в прямом и переносном смысле роскошным. Ну, во-первых, он и правда был хорош, а кроме того, фамилия его действительно была Роскошный. Его имя сейчас я уже как-то подзабыл, но фамилия сверкала как драгоценный камень в списке возможных претендентов на роль удаленного коуча.

Сын занимался деловито и с удовольствием. Математи-

кой...

Но надо было еще...

Потому что а как выучить язык за год?

Я не понимал, и я бы, наверное, не смог. Но он, к счастью, этого не знал и поэтому...

И вот именно поэтому однажды я поймал себя на том, что уже какое-то время не говорю ему:

– Сын, учи немецкий!

Глава 7. xxxxxxxxxxxx

Text_4(.docx)

Этот день был так... ничего особенного – день как день.

Про такие всегда понятно, как они начнутся и чем закончатся. Но здесь произошел сбой, где-то у кого-то что-то «замкнуло», и вот одна шестая часть суши вздрогнула и пришла в движение.

В Телеге, сразу на нескольких каналах, я прочитал под тремя молниями новость – XXXXXXXXXXXXXXXX

– Юль, ты новости читала сегодня?

– А что, надо было?

– Ну, вообще-то, да.

– Не читала, расскажи.

– Ну, так ты возьми и почитай! – зачем-то срываюсь я и швыряю трубку.

Я продолжаю механически работать, доделываю какие-то чертежи, с кем-то спорю, все время зачем-то поглядывая на черный экран телефона, пью из громадной чашки кофе на офисной кухне, там же вовлекаюсь в обсуждение этого уже всем известного слова XXXXXXXXXXXXXXXX...

XXXXXX XX XXXX, XXX XXXXXXXX XXX, XXXX XX...

А вот студенты...

А вот дети...

А вот, если я уже...

Ну, это еще нужно посмотреть...

Будем посмотреть...

Не ссать!..

Да все будет норм...

Да вы что, совсем уже вкрай!..

Да... Надо бы деньги...

Уже очереди у банкоматов, где что-то осталось.

Я, пожалуй, схожу, тут на углу есть всеми забытый...

Да нет, уже и там тоже пусто...

Границы!

Что границы?

Перекроют...

Телефон нервно бухтит на беззвучном:

– Андрюша, сегодня вечером похоже XXXXXXXX XXX...

– А еще пока нет?

– XXXX XXX, XX XXXXXXXXXXX XXXXXXXX XXXXX

XXXXXXXXXXXXXXXX...

– XXXXXXXX XXXXXXXXXXXXX?

– Возможно. Данька из института вернулся. Я его беру, и мы за тобой сейчас на работу заезжаем...

Приехали. Уже почти конец рабочего дня, так что я быстро... Быстро схватил рюкзак, попрощался – Всем пока! – До завтра. И пулей на выход, через турникет, из Одного БЦ...

Едем в сторону дома.

Сыну:

– Ну что, придется немного пораньше уехать.

Планировалось, что в Германию он поедет через месяц.

– Ясно...

– Так что сейчас мы – к нотариусу, я очередь заняла.

А ты...

Юлька быстро смотрит на меня.

– А ты придумай, что мы с псом будем делать.

Робин, который уже пристроился у меня на коленях, заерзал, вильнул хвостом и лизнул меня в нос.

Уехать должен был только сын, но сейчас мы несемся все вместе к границе.

– Брусничное или Торфяновка?

– Торфяновка.

Мы мчим на Юлькиной машине к границе, потому что на самолет уже просто нет времени. И как-то ведь сын должен оказаться на той стороне. XXXXXXXX
XXX XXX XXXXXXXX, XXXXXXX XXX XX XXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX, XX XXX XX-XXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX.

XXXXXXXXXXXX – «XXXXXXXX X XXXXXXX» – XXXXXX
XX XXXXXXXX XXX XX XXXXXX XXXXXX. XXXXXXXX
XXX XXXX XX XXXXXX XXXXXX XXX XXX XXXXXX-
XXXXX XXXXXXXXXXXX, X XXX XXXXXXXX-XX XXX XXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX XX XXXXXXXXXXXXXXX.
XXX XXX X XXXXXXXXXXX... А иначе карета – в тыкву, а все
остальное – попросту в п....у!

Пролетающие мимо стройняшки сосны уже превращаются в мутный кружевной абрис на фоне темнеющего неба. Их узнаваемые силуэты, такие разные, тогда и сейчас, как будто что-то и в самом деле поменялось в этом мире, а не мы это все придумали и затеяли, как будто это не наши чудовищные

фантазии пролились грязной смесью на почти что уже готовый холст.

Я говорю «мы», потому что мне сейчас страшно и неудобно оставаться с этим «дивным новым миром» наедине, так что, пожалуйста, немного побудьте здесь со мной, ненадолго составьте компанию, пока я не смогу взять себя в руки!

...

Скользящие позади редкие огоньки фар прилипают к зеркалу заднего вида, иногда врубая дальний и высвечивая на поворотах серые кулисы в ужасе разбегающихся прочь от дороги елок. На «Скандинавии» еще не так много машин – к границе рванули не все. Да и рванут ли? Пока не знаю. И зачем гадать!

Пропускной пункт. Небольшая очередь из трех машин. Перед нами – синяя вольво. До верха забита какими-то шмотками. Присмотревшись, обнаруживаем, что это одеяла, подушки, зимняя одежда, что-то там еще, все это – видимо для мальчишки, примерно одного с Данькой возраста, сидящего на пассажирском сидении, рядом с напряженно вцепившейся в руль женщиной – похоже его матерью. Паренька, очевидно, везут на учебу, и тоже, скорее всего, раньше ожидаемого.

Бросив быстрый взгляд назад, я вижу, что зимнего у нас нет ровным счетом ничего, впрочем, как и спального, ижимаю плечами, потому что, а что еще остается...

Подъезжаем к окошечку. Просовываем туда паспорта.

Минута, другая...

С характерным звуком, лязгающего затвора, на раскрытую страницу опускается штемпель:

Торфяновка. – 23.45.

Глава 8. Бельниково

Text_0003(.docx)

Это был странный объект, у странного заказчика, в стран-

ное для меня время.

Время было странным, потому что я вот уже несколько лет сидел практически совсем без работы и скучая перебирал телефоны старых заказчиков. И тут вдруг – вот тебе на!.. Давно забытое чувство, что мне вот-вот отвалят, ну нет, не отвалят, все-таки это не было такой уж кучей денег, ну хорошо – заплатят столько, что я смогу наконец попробовать свести концы с концами. Нет, это не было работой моей мечты... Лет бы, может, десять назад... А сейчас, скорее нет, но зато теперь мне не нужно было исподтишка выкраивать деньги на покупку холстов и красок. И разумеется, я этим пользовался без какого бы то ни было зазрения совести...

Объект, точнее несколько десятков гектаров с домами, мужиками и разнообразной живностью располагались на излете Приморского шоссе, ближе, наверное, к Финке, чем к Питеру, скрываясь за живописными руинами фундаментов то ли финских домов, то ли кирх. После шоссе – несколько километров по истерзанной грузовыми машинами дороге, где на колдобинах то и дело подбрасывало до самой крыши дюжего лендровера, на котором мы с Петром сюда и добирались.

Дальше – была поэзия видов, рощиц, трепещущих на ветру заводей и отвесных многометровых, поросших сизым мхом валунов. Вот посреди всего этого роскошества и угнезвился наш странный заказчик со своим семейством. Его самого лично я не видел, общались мы в основном с его сыном,

славным малым и любителем олдскульных американских авто.

Сева совсем не походил на туго набитый кошелек, каких я успел повидать к тому времени уже великое множество. Он скорее был похож на еще не успевшего разочароваться в жизни сисадмина – вполне симпатичный, не совсем аккуратно выбритый блондин со светло-серыми, немного белесыми глазами. Складывалось впечатление, что от жизни ему было надо очень мало. Разве что пара десятков его дорогуших пропахших бензином железяк под боком, теплый ангар для них и почти такой же по размеру ангар для лупоглазого сверкающего хромом вертолета, собака – шумная овчарка с повалившимся набок ухом и жена – миниатюрная брюнетка в неизменной черной водолазке. Причем именно в такой последовательности, где овчарка Шоколадка и жена отчаянно конкурировали за второе и третье место.

Мне тоже собака нравилась гораздо больше, потому что заниматься дизайном с Севиной женой было не только непросто, но еще и совершенно бесцельно. Каждое утро начиналось у Тани как будто с чистого листа, так что все случившееся вчера там, как правило, навсегда и оставалось. Шоколадка здесь выигрывала вчистую.

Сева любил свою овчарку и поэтому отчаянно ее баловал. А еще Сева, наверное, в пику патристичному главе династии, которого лично я видел только один раз на каком-то парадном портрете с генеральскими погонами, любил все

американское. Про американские автомобили лучших чикагских десятилетий я уже говорил, но ими дело не ограничивалось, потому что Сева совершенно искренне предпочитал хороший американский гамбургер с колой пюрешке, домашним котлеткам и пельменям.

Гамбургерами с колой Сева долго кормил и свою собаку. После чего Шоколадке пришлось пережить клиническую смерть, целый курс капельниц и специальную диету. Были задействованы лучшие ветеринары страны, которых Сева лично доставлял к Шоколадке на своем сверкающем вертолете.

С тех пор ей перестали доставаться Севины гамбургеры, и от обиды, чтобы хоть на ком-то можно было сорваться, она то и дело самозабвенно лаяла на норовивших поскорее проскользнуть мимо нее строителей. Строителей было много. И каждый день их проворные муравьиные отряды придавали Севиным постройкам осмысленное выражение фасадов.

После того как Шоколадку откачали, Сева решил на всякий случай увековечить ее в бронзе. Я познакомил его со своим хорошим другом, скульптором со звучным римским именем Марцел, и дело пошло: Сева от нечего делать увлекся приемкой эскизов к будущей скульптуре.

– Какое-то у нее не характерное выражение морды.

С сомнением сравнивал Сева эскиз с оригиналом.

Марцел пожимал плечами, соглашался и все переделывал.

Длилось все это довольно долго, пока наконец возле входа

в строящееся Севино жилище не появилась бронзовая копия Шоколадки. Говорят, что, увидев ее, глава династии (тот, что с генеральскими погонами) захотел было заказать у Марцела скульптуру своей любовницы, которая мирно соседствовала на горизонте моих событий рядом с его женой, но отчего-то передумал. То ли жена, то ли любовница были против.

Глава династии был тем звеном, через которое ко всему Севиному семейству струились живительные ручейки сказочного (сказочного, конечно же, по моим меркам) богатства. Когда-то давным-давно, в неловком бандитском прошлом, у него была даже сама за себя говорящая кличка – Оружейник. Впрочем, воды с тех пор утекло немало, и от былого «бандитского» великолепия остался только суровый генеральский портрет в пыльном гостевом кабинете.

А ручейки тем временем всё текли. Я так думаю, что стоит только один раз проложить для них русло, и дальше... У меня, правда, так почему-то никогда не получалось.

Еще у Севы была замечательная идея заняться чем-нибудь общественно значимым, и по возможности наукоёмким. И у него это даже получилось! Сева построил где-то неподалеку целый завод по производству громоотводов и огромную лабораторию, похожую на ангар для испытания космических челноков, где, как в лаборатории Франкенштейна, искрила и переливалась гигантскими протуберанцами недостижимая мечта профессора Теслы.

Громоотводы Сева придумал продавать по всему миру,

потому что ведь везде же есть это замечательное природное явление! Он напечатал огромное количество буклетов, из которых следовало, что небывалый спрос на его громоотводы есть и в Аргентине, и в Нижневартовске. Как по мне, так этот завод с лабораторией всего лишь придавали осмысленность одному из семейных финансовых ручейков.

Деньги из этих ручейков утекали в том числе и на многолетнее вдумчивое обустройство Севиного родового гнезда. И Севе и остальным домочадцам, по-моему, больше нравился сам этот процесс, чем его результат.

А дом тем временем жил своей жизнью и потихоньку разрастался и вширь, и ввысь, и, даже вглубь.

Но зачем мне теперь понадобилось это воспоминание?

Да просто потому, что это была все еще мирная жизнь, и еще никто не знал, что там ждет впереди, и будущее представлялось окрашенным, если и не во что-то радужное и развесело мультяшное, то уж во всяком случае и не в пятнистое хаки.

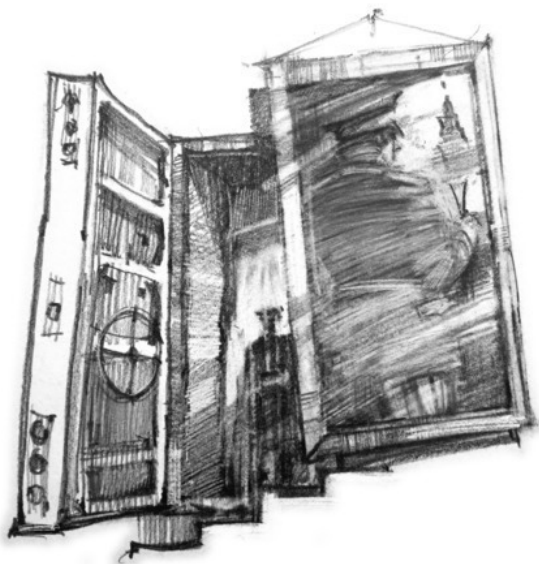
– Петр, я хочу, чтобы у меня в доме было место... Короче, я хочу с комфортом пережить апокалипсис, – глубокомысленно изрек Сева в самом начале проектирования.

– А что уже намечается? – улыбнулся Петр.

– Я хочу, Петр, чтобы в моем доме было бомбоубежище...

И вот да!..

Сева оказался человеком прозорливым.

Глава 9. Ваанта²

² Аэропорт Хельсинки (англ. Helsinki Airport, – международный аэропорт города Хельсинки, столицы Финляндии. Расположен в городе Вантаа, примерно в 17 километрах к северу от центра Хельсинки

– Ну, хорошо, – посмотрели мы с Юлькой друг на друга. – А что теперь?

Вот она, свобода! XX XXXXXXXXXXXX XXXXX, XX XXXXXXXXXXXX XX XXXXXXXXXXXX XX «XXXXXXXXXXXXXXXX», XX «XXXXXXXX XXXXXXXXXXXX», XX XXXX XXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX XXXXX.

Был ли у нас план? Был, но какой-то в общих чертах и без подробностей... Самое главное – вытолкнуть Даньку в Германию, в тот самый город, в ту самую штудиенколлег³.

– Что это? – спросил я у гугла, в первый раз услышав это слово.

Если вкратце – то это было что-то выросшее между школой и универом, исключительно для нас – для понаехавших, без чего здесь, в Берлине, Гейдельберге или Мюнхене, вам, будущим Маскам и Сергеям Бринам, нисколько не будут рады.

А мы... В первом часу ночи мы растерянно катили от границы в сторону Хельсинки. Чтобы что? Чтобы задать себе именно этот вопрос: а что же дальше? Наверное, дальше должен был быть аэропорт, а там уже как-нибудь все будет раз-

³ Штудиенколлег (Studienkolleg) – это подготовительный курс перед поступлением в вузы Германии. Он позволяет иностранцам, которые хотят учиться в Германии, доучить немецкий язык до нужного уровня и получить недостающие знания.

руливаться «по мере поступления»...

Очень тихо в салоне играла АВБА (случайно завалявшийся в бардачке диск). Снаружи холодало, и уголки боковых окон начинали едва заметно запотевать. От монотонной ночной езды клонило в сон. И я подумал, что раньше я бы прямо вот здесь остановил автомобиль и, широко распахнув дверь и угнездившись на самом краешке сиденья, с удовольствием затануться бы сигаретой, а потом... Потом немного размявшись и выгнув как кот спину, снова бы уселся за руль, чтобы опять сквозь лениво работающие дворники отыскивать взглядом еле различимую, пропадающую то и дело за поворотами белесую тетиву разметки...

Но я уже давно не курил, и потому, немного поглазев на устало мерцавшие звезды и обнаружив Полярную звезду на своем законном месте, я был вполне этим скромным фактом удовлетворен и успокоился. Отлив в ближайшие к стоп-пойнту кусты и спугнув там выводок перепелок, я вернулся к мирно ожидавшему меня мерседесу.

Дорога от границы до Хельсинки всегда мне нравилась. Здесь как-то хорошо думалось, особенно, если удавалось сесть на хвост какой-нибудь быстро мчащей впереди фуры. Но сейчас в голове не было ни единой мысли, там было пусто, и вполне возможно, что это было к лучшему.

По эту сторону от границы уже не хотелось прислушиваться к долетавшим из России новостям. Объявили... Призвали...

Играла АВВА. На пассажирском сиденье дремала жена. Позади, скособочившись, в какой-то одной ему удобной позе, посапывал сын. Впереди мелькали указатели и рекламные щиты, а сонные домики крохотных деревушек заканчивались так быстро, что взгляд не успевал привыкнуть к 40 км/ч в городе. Затем были указатели: до Хельсинки – 120... 100... 80...

Километров за сорок до Вантаа я решил немного отдохнуть на стоянке возле какой-то заправки. Там я закрыл глаза и тут же забылся глубоким сном.

Когда я очнулся, уже светало. Заработало кафе на заправке, где несколько дальнобойщиков уже тянули свой черный кофе из бумажных стаканчиков. Пока нам некуда было спешить, и мы вдвоем не торопясь пережевывали за крошечным столиком холодные бутерброды.

В голове у меня быстро созрел план. Поскольку в Германию для Даньки лететь было еще рано, нужно было лететь в Ригу! Ну да – конечно же в Ригу. Там у меня жила тетка, жил двоюродный брат Серега с семейством, там можно было бы переждать пару недель этого шторма, чтобы потом уже двигаться дальше.

Я позвонил Сержу – ну хотя бы роуминг пока работает! – да, пусть приезжает, конечно! Скажи когда – я встречу.

– Ну что, мои родные и домочадцы, в аэропорт!

– Постой, – Юлька внимательно посмотрела на меня. – А ты? А как же ты?

– XXXX XXX XXXXXXXX XXXXXXXXXXXXXXXX!..
X XXX, XXXX XXXXX XXXX XXXXXXXX...

– Да брось...

– Нет, правда. X XXXXX XXX XXX XXXXXXX
XXXXXXXXXXXX. X XXXXXXXXXXXX, XXX, XXXX
XXXXXXXX XX XXXX, X XXXXXXXXXXX XXX...

– Опять читала свою Телегу? – укоризненно покосился я на Юльку.

– X X XXXXXXXX XXXXX XXXX...

– XXX XXX? X XXXXXXX?

– XXX XX XXXXXXXX X XXXXXXXX.

– XX X XXX XXXXXXX XXXXX!.. XXXXXXXXXXX!

– XX XXXXXXX XXXXXXXXXXX! X XXXXXXX X XXXXXXX
X XXX XX XXXX XXXXX XXXXXXXXXXX.

– X XX XXXXXXXX... – XXXXXXX XXXXXXX.

– Побудешь там пару неделек, оглядишься, отдышишься... Зря мы, что ли, шенген с тобой откатывали?!.. А потом я для Даньки что-нибудь зимнее привезу.

– Пару недель?

– Пару.

Честно говоря, двухнедельный отпуск в сложившихся обстоятельствах был довольно-таки заманчивой штукой.

– Петр, тут у меня такое дело... – связь была хорошая, и я даже слышал, как на том конце работает душ. – Петр, похоже, мне сейчас позарез нужна удаленка...

На удивление быстро он согласился.

– Ну, только учти, ЗП мы будем задерживать, как и раньше, – пробурчал Петр и повесил трубку.

Дальше... Дальше...

А вот и Вантаа.

Притормозили в пяти минутах от Первого Терминала и снова припарковались на какой-то заправке. Юлька осталась в машине, а мы с Данькой отправились добывать билеты.

Святая наивность!

За наличные купить их было просто невозможно. Только на сайте аэропорта, и только по карте. По карте, Карл! А вот с этим у нас как раз точно была проблема...

Санкции...

Это тревожное слово – «санкции». Все наши карты вдруг, в одночасье перестали подавать вообще какие-либо признаки жизни, как будто после пересечения Рубикона. Все эти Мастер-карт, Виза и прочие пластики обращались здесь вдруг в абсолютное и никому ненужное ничто.

Достав из загашника бережно хранимую, так, на всякий случай, китайскую карту, на которую возлагались особые надежды, мы убедились, что и она тоже здесь не работает.

Беспомощно разведя руками, я набрал телефон поджидавшей нас на заправке Юльки.

– Звони Сержу! – тут же выпалила она в надсадно хрипевший старенький айфон.

Это и был тот тонкий волосок, на который все всегда бы-

вает подвешено. Не окажись у меня двоюродного брата в Риге, не ответь он на мою просьбу о помощи, не найдись у него в конце концов тогда достаточно денег на карте – и... тонкая ниточка, удерживающая от падения на наши головы тяжеленный клубок проблем, точно бы оборвалась...

– Сережа...

– Оплата прошла... Распечатайте билеты или воспользуйтесь штрих-кодом на вашем смартфоне!..

– Юль, у меня ведь с собой даже трусов запасных нет...

– Ничего, купишь... Через пару недель увидимся.

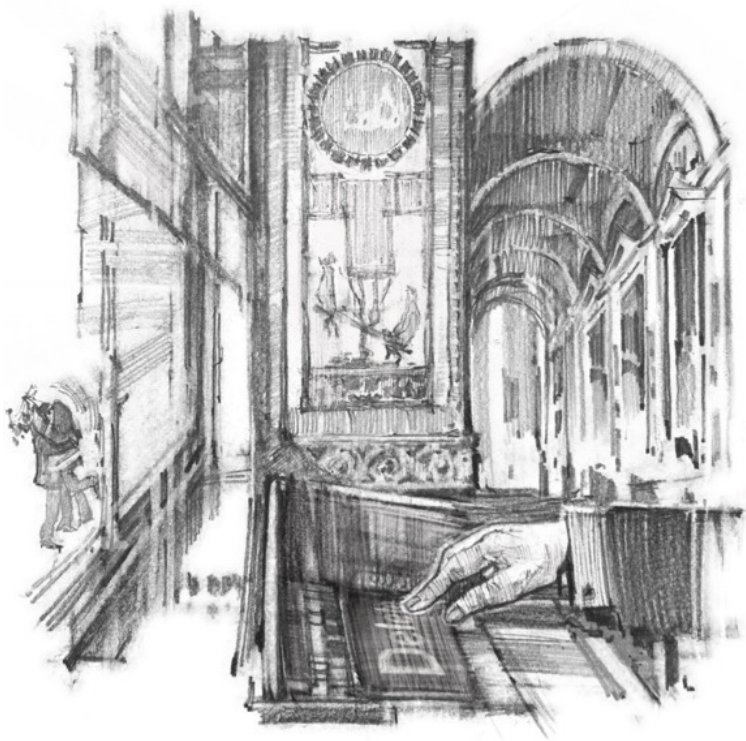
Как же тогда мы были наивны!..

У Юльки глаза вдруг делаются мокрыми. И она, тихонечко всхлипнув, сильно сжимает мою руку. Ничего не говоря и только поглаживая сына по плечу, она смотрит невидящими глазами куда-то вдаль, уголки рта подрагивают, она пытается улыбнуться.

Через какое-то время мы с Данькой оказываемся возле входа в терминал. Я оглядываюсь и вижу, как моя Юлька очень медленно проплывает в своем белом мерсе мимо, изо всех сил стараясь высмотреть в пестрой толпе прибывающих на терминал нас с сыном. Наши взгляды встречаются. Она быстро машет рукой и шлет нам воздушный поцелуй, который тотчас пропадает за вынырнувшим вдруг откуда-то рейсовым автобусом.

Глава 10. Эрмитаж

Text_04 – копия(.docx)

Друзья мои! Отписывались ли вы когда-нибудь от такого

количества друзей своих, от какого отписались тогда? Быстро, зло и, скорее всего, не безответно.

Вопрос этот, конечно же, риторический. Потому что у каждого на него будет свой ответ. Мой ответ – нет.

Я вообще раньше, то есть до *этого*, ни от кого не отписывался... Нет, нет. Вру! Было, конечно же, пару раз. Как же без этого! Но вот чтобы так – пачками, целыми штабелями... Многие аккаунты, в том числе и мой, выглядели тогда как дымящиеся руины после коврового бомбометания, не к ночи будет помянуто, – опустошенными и наполовину выжженными напалмом праведного и немного, что там скрывать, театрального гнева.

То, что раньше как-то прощалось, ну или не казалось таким уж существенным, не обязательно говорилось вслух, – теперь, в этот только-только начинавшийся период черно-белых отношений, становилось непреодолимой преградой нерукопожатности.

Все мы, конечно же я имею в виду тех, кто стоял ближе – «локоть к локтю, кирпич к стене», выросли в одной стране, читали одни и те же книги, смотрели одни фильмы, использовали одни и те же мемы, но вот почему-то в конечном итоге оказались настолько непонятны друг другу, что вот теперь, вдруг, очутились по разные стороны баррикад.

Что же это было тогда? И почему это кончилось сейчас? Что, вообще, это было? Ленивое всепрощение, какая-то особая толерантность к невежеству, к простой человеческой

глупости, по-христиански глубокомысленное прощение подлости, да мало ли каких еще душевных уродств? И разве это было неправильно? Ведь это позволяло жить всем вместе, иногда заглядывая друг другу в глаза, и, даже не находя там ровным счетом ничего, считать эту звенящую пустотой паузу осмысленной.

И вот теперь, когда кажется, что наступило прозрение, что конечно же вряд ли, я азартно вычеркиваю из себя часть своего детства, юности, часть жизни, о которой потом возможно не найду с кем переговорить. Как знать, особенность ли это человеческой психики, не замечать, прощать, становиться конформистом (ибо только конформизм по-настоящему прибавляет вам друзей) X XX XXXX. XXXX XXXXXX, XXXXX XXXXX XXXXXXXXXXXXX XXX XXXXXXX X XXXXXXX XXXXXXXXXXX XXXX, X XX XXXX...

Нет-нет, здесь не будет никаких историй, за которые с радостью можно было бы зацепиться, чтобы схлестнуться в сине-красно-белом и желто-голубом пламени... Никой претензии на «умную аналитику», никаких зоологически-антропоморфных терок, в которых призрак одичания неизменно становится все ближе... Нет, здесь не будет упоминания никакого конкретного горя, хотя бы просто из уважения к нему.

Еще раз: никаких кровавых историй здесь не будет! Не стоит здесь искать жертв и не стоит искать палачей!

Так что же тогда остается? Остается зайти, XX XXXXX

XXXXXXXXXX XXXX в FB, в свой аккаунт, и начать нажимать на кнопочки...

– Привет, Андрюха, я так рад, что ты...

Здесь лучше включить подзвучку кнопок на ноуте, или на чем вы там заходите в FB, чтобы хоть как-то прочувствовать глубину и необратимость момента.

– Я так думаю, что ты начитался этих...

Delete...

– Мне очень жаль, что я не смогла...

Delete...

– Как ты можешь жить в стране, которая...

Delete... Delete...

– XX XXXXX, XXX XXXXXXX XXXX XXXXX...

Delete...

Enter...

Пустота...

...

Ну а теперь... Не умирать же теперь из-за всего этого!

Теперь я пойду в Эрмитаж.

– Тебе плохо?

– Нет, мне хорошо. Я только что отправил в бан пару сотен друзей.

Мы сидим с Юлькой на скамейке во дворе Эрмитажа, вытянув ноги и подставив свои лица ласковому августовскому солнцу.

– У меня все скромнее...

– Это потому, что ты сначала думаешь, с кем дружить, а вот мне нравится, когда меня любят много, и я не такой привередливый.

Юлька улыбается.

– А ты знаешь, что когда-то в этом дворе... Вообще-то он раньше был закрыт... Так вот, в этом дворе раньше выбивали войлочные тапочки для всего Эрмитажа. Сотни... тысячи тапочек, тетki такие, все в синих халатах, и клубы поднимающейся к небу пыли...

Я развожу руки в стороны, чтобы лучше показать масштаб происходившего здесь когда-то.

– А зачем были эти тапочки?

– Чтобы не портить паркет.

– А сейчас что, уже можно?

– Получается, что можно.

– И вообще, откуда ты знаешь, что их именно тут выбивали? Ты что, видел?

– Неа... Но вот вкус пыли чувствую здесь почему-то до сих пор.

– Ну, тогда пойдем, стряхнем с тебя эту пыль.

Мы проходим через турникет, постояв в небольшой очереди с опять нахлынувшими в постковидном ажиотаже китайцами, на секунду забегаем – только посмотреть – в кафе и вот уже сворачиваем в Египет.

Через Египет. Это чтобы не подниматься по коврам Иорданской – как-то уж слишком пафосно для сегодняшнего

дня. Заодно минуем отчаянно селфящихся на фоне позолоты регионалов и китайцев.

Вообще, Эрмитаж – это мирная территория. И как бы там ни было, он всегда будет тем местом, где можно прийти в себя и наплевать на то, кто ты есть на самом деле или же, наоборот, кем ты не являешься. Ни ему, ни тебе это уже не важно. Он слишком старый, ты слишком трезвый... И потому ты пробегаешь по всем греческим залам, чтобы взлететь на второй этаж по Советской лестнице (к нашему совковому и посконному это название не имеет ровным счетом никакого отношения), и вот... Вот наконец ты попадаешь в Лоджии Рафаэля, твое любимое место.

Прильнув к окну, я наблюдаю за застывшей для поцелуя на набережной Зимней Канавки парочкой.

– Юль, а тебе нравятся Лоджии Рафаэля?

– Иди к черту! – зыркает на меня Юлька, которая не любит дурацких вопросов.

Зачем-то я вспоминаю Бориса Вениаминовича. Потому что... Если сейчас посмотреть вниз, на откос окна, возле которого мы стоим, то можно разглядеть фрагмент фрески – вполне себе симпатичного котика. Это котик дяди Бори. Дядя Боря – реставратор, с которым я одно время дружил, замечательный рассказчик и отчаянный врун. И вот именно поэтому очень даже может быть, что и котик, и история про него были выдуманы самим дядей Борей от начала и до конца.

Это, как он утверждал, была его память о себе, которую он оставил на стенах Лоджии Рафаэля. И... если призадуматься – не так уж это было и мало. Вот у меня, например, ничего подобного не было и в помине.

Глава 11. Рига

Text_5(.docx)

Рига встретила нас ярким солнцем и сильным боковым

ветром. Самолет на посадке болтало из стороны в сторону, как потрепанную боксерскую грушу. Так, что даже одна багажная полка вдруг с оглушительным треском распахнулась – и из нее в проход посыпались чьи-то сумки, пакеты из дьютика, и, словно осенние листья, порядком уже уставшие и достаточно повидавшие на своем веку, не спеша приземлилось на пол черное кружевное белье.

После заметно неловкого и нервного касания шасси о взлетную полосу в салоне раздалось несколько вялых хлопков и спавший весь полет в соседнем ряду младенец громко зарыдал. Стюардессы лучезарно улыбались. В проходе, как всегда, преждевременно столпились пассажиры, а где-то в дальнем конце салона кто-то тихо блевал в бумажный пакет, стараясь, по возможности, не привлекать к себе внимания.

На выходе из «зеленого коридора» нас с распростертыми объятиями уже встречал мой двоюродный брат Серж, затмевая своей дородной импозантной фигурой как минимум одну треть зоны прилета.

Мы обнялись. Он поискал взглядом наши чемоданы. Я развел руками – чемоданов у нас не было. Только два рюкзака, мой да Данькин. Все же это был... – да что уж там! – это был самый настоящий побег. Слов нет, он, конечно же, был не из Шоушенка и не из замка Иф, а из самых что ни на есть всамделишных «наших ебеней», но все же это был – побег! И поэтому все, что можно было взять из одежды, у нас

было на себе, и только молодец Данька успел в суматохе поисков то одних, то других документов сунуть себе в рюкзак ноутбук.

Хлопнув дверцей выдавшего виды паджеро, Серж покати нас по такой мне уже знакомой, хотя к этому времени уже порядком и подразбитой юрмальской дороге, что на меня разом нахлынули далекие воспоминания – дом в Булдури, любимое в детстве кафе Gotinka в Майори, широкая, едва ли не как Нева, медленно проползающая под мостом Даугава... Рига.

Жил мой двоюродный брат Серж где-то в получасе езды от Риги в небольшом городке, в доме с типично прибалтийской наружностью и бордовой кровлей из ондулина.

Продержаться пару недель в режиме «почти без денег» было задачей непростой, но необходимой. Обидно было то, деньги-то были, вот только или не на том пластике, или не в той валюте.

– Мальчики, вы там как? – звонок от жены, – вы там не голодаете?

– В разумных пределах, – умничает Данька и получает подзатыльник.

– Жилье уже присмотрели?..

Найти сыну жилье в Германии, хотя бы на пару недель, а там – посмотрим, мы планировали с Юлькой еще в Питере.

– Сержик, ты ведь и так уже много сделал. Ну так не бросать же все это теперь на полдороги!

И мы бронируем что-то в Букинге на его карту и от ощущения полнейшей безнаказанности продолжаем этот банкет уже в городе. В Риге мы отрываемся по полной и покупаем себе чертову уйму носок, трусов и футболок.

Довольные и праздные, мы шатаемся по прохладному и немного влажному городу, проходим через какой-то сквер, мимо Домского собора, мимо уже начавших желтеть каштанов, теряемся, снова находимся... Минуем заколоченные витрины нескольких заброшенных или магазинов, или ресторанов, или чего-то там еще... что вполне определенно указывает на то, что и здесь что-то пошло не так, не по плану, что и сюда каким-то боком смогла протиснуться вульгарная, с заплывшей серой мордой дама на костылях, имя которой теперь и упоминать-то было небезопасно. XX XXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX XXXXXXXX, XX XXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX, XX XXXXXXXX XX XXXXXX XXXXXXXXXXXXXXXX, X XXXXXXX XXXXXXXXXXXXXXXX, XXXXXXXXXXXX XX XXXXXXXXXXX XXXXXX XXXXXXXX, XXXXXX XXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXXXXXX X XXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXXXXX XXX, XXXXXXX XX XX XXXXXXX XXX XXXXXXXXXXX XX XXXXXX XXXXXXXXXXX XXXXXXX, – XXX XXXX X XXXXXXX, XX XX, XXXXXXXXXXX, XXX X XXXXXXX, XXXX XXX XXXXXXXX XXXXXXX...

Возможно, со временем, эту безобразную старуху вытолкают внаше со всех этих милых кривых улочек, сотрут с лиц

прохожих и все меньше и меньше приезжающих сюда туристов. Наверняка это когда-нибудь случится...

– Несомненно.

– А давайте-ка снесем что-нибудь еще.... В смысле памятник, а лучше монумент... Да, так будет гораздо лучше... Таким образом мы им покажем... Мы заставим их заплатить цену... Почувствовать все то, что мы вытерпели... Ну, не мы... Окей! Это были не мы... Это были наши родители, деды, это не важно... Мы не хотим за это карать, мы только хотим наказать... Чтобы все было по справедливости... Справедливость – это ведь то, для чего все и затевалось, справедливость не знает милосердия, это – высшая ценность... Люди? Люди, конечно же, да... Люди – тоже... Но справедливость, это слишком важно... И для тех, кого нет – это важно... А если не они, то судить уже придется нам, тут уж не отвертишься... Хотя мы и не страдали... Но кому-то ведь надо... Надо, чтобы по справедливости... Давайте-ка вот этот... Этот большой... И пусть это будет знаком... таким офигенным Знаком... И мы снесем его на хрен, к чертям собачьим!..

Я знаю, что сейчас много где и что сносят, и наверное это правильно, и наверное это справедливо. Потому что жизнь как-то, несмотря ни на что, продолжается, и, в конце-то концов, это ведь только камень, бетон и корявая арматура, ведь так?

Ну а кроме того, уже после того, как начался этот Морок,

очевидной стала необходимость сделать хоть что-то, что-то быстрое и понятное всем, эффективное хотя бы на уровне бронзы. Ну а что, если по-другому никак, – то, может, хотя бы вот так?

Снесли что-то и здесь, в Риге. XX XXXXX, XXX XXXXXXX XXXXXXXXX, XXXXXX XXX XX X XXX XXX X XXXXXXXXXXXXXXX XX XXXXXX, XX XXXXXXX XXXXXX, в охотку, что называется... Серж предложил мне сходить, посмотреть, типа вот как «они» с нами... то есть с этим обходятся! Тем более, что место проскрипции было совсем недалеко. Вяло прикрывшись каким-то негодным отмазом, я отказался.

Мы шли по Старой Риге. И она представлялась мне на вкус терпким и немного сладковатым бальзамом, с легким перебором по крепости, немного приторным и в чем-то несказанно фальшивым. Впрочем, я никогда не мог понять коммерческой сути этого жуткого пойла. До «Егермейстера» ему было далеко, а неизменным успехом он пользовался только у довольно пожилых и экзальтированных русскоязычных дам, с удовольствием проливавших по капле чудо-напиток то в чай, то в кофе.

Мы шли по Старой Риге. И по дороге откуда-то и куда-то, здесь только так – бесцельно и беспощадно, нам вдруг попадает небольшая, ну то есть совсем крохотная флуктуация то ли туристов, то ли просто зевак – возле гордо выпяченного торца Домского собора. Из любопытства мы подходим

ближе. Там – небольшая уличная антреприза в исполнении отчаянно вырывавшейся из рук своего хозяина изрядно потрепанной марионетки и ее визави неопределенного возраста, уличного актера, то и дело отпускавшего нарочито хриплые реплики в свой собственный адрес. Лицо, намалеванное на голове марионетки, почему-то кажется мне необычайно знакомым, но тут меня что-то отвлекает... Кто-то неловко толкает меня плечом, в кармане вздрагивает тушка разряжающегося телефона, а уличное представление, как будто воспользовавшись моим замешательством, быстро заканчивается, и марионетка, как по мановению волшебной палочки, исчезает в необъятном рыжем кофре бродячего актера. Да было ли это вообще?

Мы шли по Старой Риге, и я, искоса поглядывая на сына, понимал, что еще день-два, и мы вынуждены будем расстаться на абсолютно непонятное для меня количество времени, потому что Даньке – в Германию, а мне... А вот куда было деться мне, я пока еще и близко не представлял. Поехать было некуда. Возвращаться было боязно... Разве что повиснуть на шее у Сержика... Идея была – так себе. Надо было проработать запасные варианты.

Даньке с собой нужны были зимние вещи, мне, чтобы работать, был нужен компьютер. Юльке, чтобы продать мою старую машину, была нужна доверенность (потому что без вырученных за нее денег я, наверное, долго бы протянуть не смог).

Было решено – Юлька к нам приедет и привезет с собой все, что нужно. Мы не виделись пару недель, успели соскучиться друг по другу и часто просто болтали ни о чем, заполняя паузы невидимыми собеседнику улыбками. Иногда, когда заканчивались слова, на экранах загорались смайлики. Чтобы не переливать из пустого в порожнее, мы старались не обсуждать новости, которые нас не баловали своим разнообразием. У XXXXXXXXXXXXX, конечно же, были эти свои новости, но всерьез заинтересовать нас могла только одна, и тут – увы, увы... Кроме того, нужно было поторопиться, чтобы привезти все необходимое Даньке, который на днях уже улетал учиться.

Кратчайшая дорога сюда проходила через Эстонию. Ивангород – Нарва, ну и потом Рига. Нам казалось, что мы предусмотрели все, но тут все было как обычно – нас поджидал сюрприз.

Простояв дотемна в длиннющей очереди, Юлька вдруг обнаружила, что здесь до границы стояли сплошь машины с эстонскими номерами. Пограничник с детским припухлым лицом участливо спросил, нет ли у нее какого-нибудь другого паспорта, потому что на той стороне могут быть проблемы.

– Какие проблемы?

– Да вас просто никуда не пустят.

– У меня виза...

– Уже не имеет значения, уже не пускают.

– Но у меня есть документы, что сын поступил в штуди-

енколле.

– Куда?

– Неважно, мне просто очень нужно к сыну... я вам сейчас все объясню...

– Проходите, – сонно пожал плечами пограничник, поднимая шлагбаум.

На той стороне пришлось простоять еще пару часов. И когда уже совсем стемнело и наконец-то наступила Юлькина очередь, к машине не спеша проследовали две эстонки в форме. Они с удивлением посмотрели на «не те» номера и, без труда сделав каменные лица, тут же замахали руками, чтобы Юлька отъехала в сторону.

XXXXXX, XXXXXXXXXXXX, XXXXX XXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXX XXXXXX, XXXXXXXXXXXXXXX XXXXX
XXXXXXXXX, X XXXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXXXXXX,
XX XXXXXXXXXXX X XXXXXXXXXXXXXXX XXXXXXXX
XXXXXXXXX XX X XXXX XXXXXXX XXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXX X XXXXX XXXXXXXXXXXX X XXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXX XX XXX.

– У вас нет основания для въезда на территорию Эстонии, – делая ударение на слове «нет», холодными водянистыми глазами уставившись на Юлькин паспорт, отчеканила плотная белобрысая пограничница.

– У меня ведь есть двухлетняя виза...

– Здесь ваша виза не действует.

– Финская...

– Не важно.

Беженцы стали с интересом прислушиваться к происходящему. Кто-то, у кого хватало сил, со злорадством, кто-то безучастно... От чего становилось как-то и вовсе не по себе.

– То, что у вас в Германии сын, это хорошо, но в Эстонию мы вас не пустим... Вы должны немедленно покинуть этот пограничный пост.

«Переигрывает, – подумала Юлька, – вот переигрывает, и все!»

Дальше было еще минут пять вялых препирательств, после чего машину развернули обратно.

– Вы можете попробовать проехать в Латвию, через Псков, – бросила вдогонку белобрыся пограничница.

– А там пускают?

– Вот заодно и узнаете...

Для кого там семь верст не крюк? Хотя, уже не важно... До Пскова спать еще не хотелось, а вот после... Да еще и с дорогой все было не слава богу, и мерседес то и дело отчаянно подкидывало на невесть откуда бравшихся под колесами ухабах.

Проехав километров тридцать в крошечной тьме по грунтовой дороге, машина упирается в хвост очереди. Через несколько часов начинает светать, а еще через несколько часов здесь повторяется все то, что уже было в Ивангороде.

– Вы уверены, что хотите проехать? Вас ведь не пустят!..

– Да, я уверена! – хотя, конечно, уже не уверена, – но –

да... Да, я уверена!

– Я даже не знаю... А у вас больше никаких нет документов? – с неловкой надеждой спрашивает молоденький мальчик – начальник латышского погранперехода.

– Вы знаете, я тут просмотрел все и... – он отчаянно бросает на стол здоровенный талмуд.

Инструкции, наверное, – решает Юлька.

– Не могу найти ничего, что бы нам с вами могло помочь, – разводит он руками. – Но вы можете, если у вас в Латвии кто-то есть, родственники, там, я не знаю, знакомые... позвонить... И пусть этот кто-нибудь подъедет, а вы ему все, что нужно, здесь передадите. Здесь в машине вы можете ждать сколько угодно...

Начальник погранперехода смущенно улыбается и с чувством выполненного долга выходит из кабинета.

– Сережа?...

Неловкое молчание.

– Сержик...

– Ты понимаешь, Андрюш, ничего не получится. Туда – часа два с половиной, а у меня сейчас встреча...

– А у тебя нет никого?

– Кого?.. Ты же знаешь – страна маленькая. Мы здесь, – он показывает на себя, на дом и почему-то на своего кота, все как на ладони... – Ты...

– Сержик, я не в обиде.

Я набираю Юльку и даже по телефону чувствую, как она

устала.

– Я думаю, что все... тебе надо ехать домой, тут больше ничего не сделать... Посмотрим другие варианты... Хорошо, я посмотрю... Я тоже очень... Даньке я все расскажу, как-нибудь разругим... Только поспи, пожалуйста, немного на заправке... Обещаешь?

На следующий день Данька улетае в Германию. Провожая его в аэропорту, я чувствую, как будто что-то внутри меня отрывается и обжигая роговицу собирается в уголках глаз.

А еще через день Серж покупает мне ноутбук. И теперь я могу работать. А еще через пару дней... А еще через пару дней я уже знаю, где и что мы будем делать дальше.

Глава 12. Иван

Text_0006(.docx)

С Иваном мы были знакомы давно, наверное, еще с тех

пор, когда, вернувшись из Москвы, я нашел себе первую работу в Питере. Меня с ним познакомили где-то в гостях, сказав при этом примерно следующее: вот тебе человек, который решит любые твои проблемы по креативу на заданную тему. Иными словами, Иван очень ловко умел мастерить духоподъемные визы про чужую мечту, будь то фасад нового дворянского гнезда или изумленный интерьер дамского будуара. Короче говоря, всего того, что могли позволить себе тогдашние веселые заказчики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.